

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Часть I. Осада</i>	6
<i>Часть II. Дикая карта</i>	158
<i>Часть III. Перелом</i>	259
<i>Эпилог</i>	294
<i>Приложение. Словарь</i>	308

Чувство Истории — только чувство Судьбы.

*М. И. Цветаева.
«История одного посвящения»*

Карту не рассматривают. В карту погружаются. И глубина погружения равна глубине твоего опыта. Бог знает, какое сцепление и мешанина мыслей, интуиций, смутных воспоминаний об аналогиях; пересчёты английских саженей на метры, напряжённая попытка ощутить направление не по компасу, а мозжечком; зыбкие видения будущих реальностей за условными обозначениями, — и всё это без словесных формулировок. Какое-то сомнамбулическое состояние.

В. В. Конецкий. «Тихая жизнь»

...Ничто на свете не пропадает, и каждое дело и каждое слово, и каждая мысль вырастает, как древо; и многое доброе и злое, что как загадочное явление существует поныне в русской жизни, таит свои корни в глубоких и тёмных недрах минувшего.

А. К. Толстой. «Князь Серебряный»

2 октября 1608 года*

Троице-Сергиева обитель

Слободы занялись враз. Затрещала солома, взвилась ошмётками в небо. Загорелись избы. Закрылись ворота монастыря, впустив поджигателей — удалого князя Ивана Григорьича со казаками. Волчицами взвыли бабы, но внезапно смолкли: на стены поднялся архимандрит Иоасаф в полном облачении. Самоцветы на золоте митры горели огнём. Задрав белую бороду, Иоасаф возгласил мощным басом:

— Господу помолимся!

И все: князь Долгоруков и сын его, чернецы и стрельцы, бояре и крестьяне, посадские и беглецы из иных городов, бабы, детишки... и сама царевна Ксения, сиречь инокиня Ольга, с безумными от застывшего в них ужаса глазами — все пали на колени, на бурый кирпич стенных прясел, крестились и молились.

Настоятель Троицкого монастыря оглядел паству — все стояли на коленях, лишь светлорусый отрок в сапогах, в рубахе тонкого полотна, синих портах и зелёном кафтане, который был ему явно маловат, стоял недвижим. Отрока, родича своего, привёз в обитель из Углича старец Авраамий Палицын — на выучку. Самто старец ныне на Москве пребывает, а Митрий

---

* Даты даны по новому стилю.

здесь — стоит как не слышит. «Остолбенел, знать», — подумал архимандрит и возгласил вдругорядь:

— Господу помолимся!

Митрий наконец услышал, пал на колени, вслед за Иоасафом чёл молитву и чуял, как поднимается из глубины живота что-то мощное и злое, как застревают в горле слова, как страх прорывается слезами, а вслед за ними голос звучит освобождённо и вольно, и голова уже не клонится, а гордо поднимается вверх, и глаз не оторвать от высоких языков пламени, за которыми на Красной горе видны бунчуки всадников-чужеземцев.

— Да не страшимся супостатов! Надежда наша и упование, Святая Живоначальная Троица, Стена же наша и Заступление и Покров, Пренепорочная Владычица Богородица и Приснодева Мария, способники же нам и молитвенницы к Богу о нас, преподобные отцы наши велиции чудотворцы Сергей и Никон! — возгласил архимандрит. — Вместе на крест взойдём за веру православную!

Митрий замер, словно душа его на миг покинула тело, перелетела в родной Углич, затрепетала крылами над отчим домом, над Волгой, над маковками Спаса Преображения. А когда очнулся, вокруг не было никого. Огонь жадно пожирал дерево, но уже не взвивался высоко, а стлался по земле.

Стрельцы и мужики, едва спустившись со стен, повалились в сон. И немудрено.

Накануне на заре прибежали к воротам Троицы софринские людишки, крича:

— Ляхи идут!

Вскоре прискакал посыльный от воеводы князя Григория Ромодановского, подтвердил: сила несметная движется. Вор Тушинский, не знаячи, как прокормить разбойников да расплатиться с ними, послал их зорить землю русскую. Воеводы царя Василия Ивановича Шуйского встали перед ними на Троицкой дороге у села Рахманцева, оставив позади речку Талицу. И смяли наши воеводы польские полки, врубились в полк Яна Петра Сапеги, потеснили его, самого в лицо ранили, едва в плен не захватили — и почли дело сделанным. Но недаром лис вышит на знамени Сапеги — он сделал вид, что отступает в смятении, но вдруг в обход своего смятого полка послал на Ивана Шуйского, царского брата, две гусарские роты, прятавшиеся за леском на берегу Талицы.

Иван Шуйский с позором бежал в Москву. Григорий же Ромодановский, державшийся дольше всех, успел отправить к Троице чёрного вестника.

Не скоро придёт помощь из Москвы.

Надо обители в затвор садиться.

Ладно, что келарь Авраамий, бывший некогда воеводой, обитель не только съестными припасами, но и пушками обеспечил, вдоль всех стен надолбы поставили — вкопали в землю брёвна, заострённые в сторону поля. Изначально монастырь наёмные казаки охраняли,

но келарь решил, что того будет мало. Его же, Авраамия, радением присланы были из столицы восемь сотен дворян и детей боярских во главе с князем Григорием Борисовичем Долго-руковым. Шутка ли дело — окольниковый! Значит, понимает царь Василий Иванович, сколь важно сохранить обитель. Позже, уже опосля Спаса, прибыла сотня стрельцов воеводы Голохвастого.

Князь Григорий Борисович тут же отправил казаков по всем дорогам в дозоры, велел засадно палить из пищалей, ввязываться в схватки и всячески задерживать тушинцев. Стрельцов да чернецов отрядил раскатывать крайние избы посада: слишком близко посад прижался к стене обительной. Слободские и посадские собирали самое ценное: одежду, сбрую, топоры, горшки да съестное, заворачивали второпях в узлы: вали кулём, после разберём. Крестьянские лошади тащили в монастырь повозки с детьми и поклажей. Мужики впряглись помогать воеводским людям: выложили брёвнами дорогу к воротам, раскатывали избы, волокли бечевой брёвна вверх, в обитель, — там брёвна пригодятся. Митрий тоже таскал, упираясь босыми ногами в горячую землю, обливаясь потом. Дрожащими руками брал он у девушек кувшины с водой, пил, расплёскивая, и вновь впрягался в бечеву.

Крестьяне собирали в стада своих коней и коров, спешили угнать их подальше, в дремучие леса, надеясь переждать беду.

Работали всю ночь. Первый осенний холод помогал, остужал и взбадривал утомлённые тела. Когда забрезжило утро и вернулись все сторожи, подтверждая горькие вести, когда на горе за речкой Кончурой показались первые крылатые всадники, князь-воевода приказал своему сыну со товарищи поджечь слободы.

3 октября 1608 года

Зазвонили к обедне. Набившиеся в крепость потянулись к собору. Но служба на сей раз была короткой, не по уставу.

На площади перед собором стали наособицу — иноки в рясах, стрельцы в красных суконных кафтанах, в красных, отороченных мехом шапках, перепоясанные ремнями с подвешенными на них пороховницами, казаки в кафтанах серых и зелёных, с саблями на боку, зажиточные слуги монастырские во главе с даточным старшиной Василием Брёховым, да крестьяне — в льняных рубахах с красными опоясками, в синих, крашенных черникой портах, в коричневых армяках. Всех набралось не более трёх тысяч. Распоряжались князь Григорий Борисович Долгоруков по прозванию Роща и дворянин московский Алексей Голохвастый.

В иноках было до десятка бояр и дворян, постригшихся после многих лет военной службы. Их приветствовал Григорий Борисович, просил стать разрядными головами. Вывел сотников из

стрельцов и казаков. Объявил громогласно, на всю площадь:

— Потребно, други, вас по разрядам поверстать. Который разряд для службы внутренней, стенной, над ним Алексей Голохвастый старшиною. Который для вылазок и для подкрепления там, где жарко будет, — над тем разрядом сын мой станет Иван Григорьев.

Иван Рощин сын, нарядный, весёлый, сам ходил по рядам, спрашивал охотников. Говорил:

— Мне храбрые воины нужны, тусы не надобны.

Назначенные сотенными головами дворяне Внуков и Ходырев первыми набрали себе людей — отвели на свою сторону ловких посадских, крепких монастырских крестьян. Чашник Нифонт Змиев, что в юности своей далёкой бился вместе с князем Воротынским под Молодями, отобрал себе в сотню чернецов, знавших и пицаль, и саблю. Всего же разрядили до тысячи, каждой сотне определили по голове и отправили всех чередою к ключнику — вооружаться.

Оставшихся на площади так же разделили на сотни, и князь Долгоруков назначил, кому где стоять: кому у ворот, кому на башнях, кто ведать будет подошвенным боем, кто на стенах сражаться.

В том, что сражение будет, не сомневались: к исходу дня уже не единичные всадники, а толпы народу обсели все горы кругом монастыря. В Терентьевой роще стучали топоры, падали деревья.

Вереница всадников объезжала обитель по горам, то приближаясь, то удаляясь. Дети боярские говорили, будто это сам гетман Ян Пётр Сапега, ближний человек Тушинского царька, и что в деле военном он смыслит.

4 октября 1608 года

Когда рассеялся утренний туман и проглянуло солнце, перед воротами затрубил рог, и бывшие на стенах у ворот увидели всадника в малиновом бархатном жупане, в собольей шапке с мясным суконным верхом. Он гарцевал на белом жеребце, призывая открыть ворота и размахивая свитком.

Митрий взбежал на Круглую башню и, глядя сквозь узкую щель стрельницы, узнал всадника: это был Бессон Руготин, сын боярский. На Москве он приходил за некоей надобностью к Авраамии, тогда и запомнил отрок это красивое дерзкое лицо, эти не по-русски торчащие усы. Митрий думал, что тотчас выскочит из ворот князь Долгоруков, рубанёт саблей — и упадёт наглый изменник. Но случилось иначе.

Роцца, в кольчужной рубахе и шеломе, грузно шагая через площадь, сам подошёл к воротам в сопровождении сотни своего сына, велел открыть. Вскоре Бессон поскакал назад, к своим, а Роцца, сосредоточенно морщась, прочитал развёрнутый свиток, а затем ско-

рым шагом направился к палатам архимандрита. Митрий припустился за ним, протиснулся в сени.

Иоасаф принял грамоту, сведя густые седые брови, долго смотрел на неё свёрнутую, развернул, глядел, будто не видя, затем медленно протянул келейнику:

— Читай отсюда! — и перекрестился, будто хотел руки омыть.

— «А ты, святче Божий, старейшино мнихом, архимандрит Иоасаф, попомните жалование царя и Великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, какову милость и ласку стяжал к Троицкому Сергиеву монастырю и к вам, мнихом, великое жалование. А вы, беззаконники, всё то презрели, забыли есте сына его государя Дмитрия Ивановича, а князю Василью Шуйскому доброхотствуете и учите во граде Троицком воинство и весь народ сопротив стояти государя царя Дмитрия Ивановича и его позорити и псовати неподобно, и царицу Марину Юрьевну, и нас. А мы тебе, святче архимандрит Иоасаф, засвидетельствуем и пишем словом царским: запрети попам и прочим мнихом, да не учат воинства не покорятся царю Димитрию, но молитесь за него Бога и за царицу Марину. А нам град отворите без всякия крови. Аще ли не покоритесь и града не сдадите, и мы, зараз взяв замок ваш и вас, беззаконников, всех порубаем».

— Всех порубаем... — прошептал Митрий, и в глазах у него защипало.